

встречаемости, но главным образом на основе ряда содержательных критериев. Например, констатируется, что эта модель описывает самые нейтральные предложения в эстонском языке, когда линейная структура предложения следует основному правилу коммуникативного динамизма и свойства членов предложения здесь весьма близки к прототипным.

В работе поочередно рассматривается влияние синтаксических, семантических и инфоструктурных признаков на ПС. Детальный анализ позволяет сделать весьма существенные выводы о взаимосвязи признаков ПС отдельно и в комбинации. Оказывается, что первостепенное значение для формирования ПС имеют не синтаксические, семантические или инфоструктурные признаки в отдельности, но все факторы в комбинации. При этом констатируется, что практически во всех моделях ПС характерной является комбинация топика с другими элементами. Важно выделить не только признаки топика, но и признаки субъекта.

Из множества частных правил и закономерностей, установленных в ходе анализа ПС, можно особо выделить заключение автора о том, что в эстонском языке инверсия проявляется в гораздо большем объеме (частотность 24%), чем

это требуется грамматикой. При сопоставлении эстонского и финского языков констатируется, что предложения с обратным порядком слов встречаются в эстонском языке в среднем в 2 раза чаще, чем в финском. К. Таэль считает и пытается доказать, что «синтаксическая» инверсия сформировалась в эстонском языке самостоятельно, а не под влиянием немецкого языка, как это утверждалось ранее многими исследователями.

В целом работа К. Таэль представляет собой хорошо выполненное исследование, в котором разработан и осуществлен оригинальный синтезирующий подход к изучению порядка слов в эстонском языке. Порядок слов в ней изучается через текстовое окружение с привлечением большого числа разнообразных лингвистических и коммуникативных факторов. Такой подход позволил автору получить целый ряд новых теоретически важных результатов, внося тем самым весомый вклад в теорию и практику изучения порядка слов. Большую ценность имеет также разработанная методика исследования взаимосвязи порядка слов с синтаксическими, семантическими и инфоструктурными факторами с привлечением ЭВМ.

ЮХАН ТУЛДАВА (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.2.13>

И. А. Ильяшенко, Местоименные слова в южных диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 1989.

11 декабря 1989 г. в Специализированном совете Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук при Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации И. А. Ильяшенко «Местоименные слова в южных диалектах селькупского языка». Исследование выполнено под руководством доктора филологических наук Э. Г. Беккер в Томском государственном педагогическом институте. Официальными оппонентами были доктор филологических наук А. Кюннап (Тарту) и Е. А. Хелимский (Москва).

Работа является первым в самоэдологии опытом монографического описания местоимений, и с этой точки зрения

особенно существенным следует признать положенный в ее основу принцип совместного рассмотрения как местоимений, выполняющих заместительную функцию по отношению к именным частям речи, так и тех образований от местоименных корней, которые замещают другие части речи. Внутри отдельных рядов при этом выделяются местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и местоимения-наречия (местоименные наречия). При еще более последовательном осуществлении этого классификационного подхода можно было бы ввести дополнительное разграничение местоимений-числительных-прилагательных

(‘сколький’, ‘какой по счету’, ‘столький’ и др.) и местоимений-числительных-наречий (‘сколько’, ‘столько’ и др.), потому что сами числительные, подобно местоимениям, представляют собой морфологически и синтаксически неоднородный класс слов, объединенных функционально-семантическими признаками. В рамки такой классификации укладываются и местоимения-глаголы, которые в составе разряда вопросительных слов хорошо представлены в диалекте тазовских селькупов (*qatijja* ‘куда делся’, *qatimintj* ‘что происходит’), но в более южных диалектах сохранены, по-видимому, лишь реликтивно и в работе не упоминаются (но ср. в текстах Н. П. Григоровского: *кутэн ман тебэу ка́ды мбызал* ‘куда девал моего мужа’, *ны́ндо ай ка́ты-куза́у* ‘тут и не помню, *тут и куда-то я девался’).

Вполне оправданным и отвечающим задачам исследования представляется построение работы, в которой основные принципы описания освещены во введении, а описываемый материал распределен по двум главам — «Местоименные слова «личных» разрядов» и «Местоименные слова «неличных» разрядов». Анализ функционального аспекта подчинен собственно морфологическому анализу, что отражается в рассмотрении отдельных разрядов местоимений с точки зрения и в последовательности присущих им грамматических категорий.

Не углубляясь в пересказ всего содержания работы, хотелось бы выделить и прокомментировать некоторые важные для селькупского и самодийского языкознания факты и выводы, сообщаемые И. А. Ильяшенко.

1. Использование супплетивной основы *šj-* — точнее, ее диалектного фонетического варианта *zi-* — при образовании не только аккузатива, но и ряда косвенных падежей личных местоимений 1-го и 2-го лиц в диалекте кетских сюсюкумов: *taz iŋgo* ‘о тебе’ (назначительно-превратительный падеж), *maziŋgaljŋk* ‘без меня’ (лишительный падеж), в сфере возвратно-личных местоимений — *oneddžizdinni* ‘ты сам себе’ (дательно-направительный падеж), *onenziqinni* ‘я от себя’ (исходный падеж), *oddizibdinnan*

‘вы-двое у себя’ (местно-личный падеж), *onenzinnize* ‘я сам с собой’ (орудно-совместный падеж). Другим селькупским диалектам такое широкое использование супплетивной основы личных местоимений, судя по данным автора, не свойственно. Спорным, на мой взгляд, является единственный пример супплетивного образования дательно-направительного падежа личного местоимения: У[сть-]О[зерное] *te maziŋ kouptalit* ‘вы мне помогли разбогатеть’ (с. 60): здесь личное местоимение, вероятно, стоит в аккузативе (‘вы меня обогатили’).

2. Употребление в том же диалекте кетских сюсюкумов форм личных местоимений 1-го и 2-го лиц, в которых показателю местно-личного падежа *-nan* (по происхождению послелог) наслаивается на показатели дательно-направительного падежа лично-притяжательного склонения: *meggannan* ‘у меня’, *tendennan* ‘у тебя’. В других диалектах местно-личный падежный показатель присоединяется к форме номинатива-генитива: *tannan*, *tannan*.

3. Диалектная парадигматика возвратно-личных и взаимно-личных местоимений. Чрезвычайно ценный материал по местоимениям этих разрядов целесообразно было бы более последовательно, чем это делается в работе, представить в табличном виде. Разумеется, соответствующие таблицы неизбежно страдали бы лакунарностью, так как лишь по части селькупских говоров материал был собран самой И. А. Ильяшенко путем направленного анкетного опроса информантов, в других же случаях она пользовалась текстовыми данными, из которых удаётся извлечь лишь часть необходимых для построения парадигмы форм. Тем не менее, табличная презентация позволила бы четче отобразить морфологические особенности парадигм и различия между диалектами.

4. Объяснение вопросительного местоимения-прилагательного *qandoŋ*, *qanduj* ‘какой’ как сложной вопросительно-местоименной основы *qa(j)-* (‘что’) и формы 3 л. ед. ч. будущего времени глагола бытия *enta* с добавлением адъективного форманта *-l*, *-j*. Такое объяснение находит дополнительную поддержку благо-

даря таз. *qäntik* 'как', где гласный *ä* поддается убедительной интерпретации как результат стяжения из *-a(j)e-*.

5. Наличие в диалекте кетских сюсюкумов отрицательных местоименных словоформ типа *kudim-n-assi* 'никого (акк.)', *kut't'a-n-assi* 'никуда', *kut't'anni-n-assi* 'ниоткуда', существование которых препятствует трактовке элемента *-n-* в *qaj-n-assi* 'ничто', *kutti-n-assi* 'никто' как показателей генитива. Мне представляется вероятным, что в составе комплекса *-n-assi* (где *assi* — отрицательная частица 'не') элемент *-n-* имеет то же происхождение, что и в составе отрицательной местоименной частицы *naj, nej* (*qaj-naj* 'ничто', *kuti-nej* 'никто' и т. д., см. с. 156—158), второй частью которой является *aj, ej* 'и, также'. Не исключена связь сельк. *n-* с *n-*овой отрицательной частицей финно-угорских языков (венг. *net* 'не' и др.).

Если в целом работа И. А. Ильяшенко дает последовательное обобщение сведений о местоимениях селькупского языка, то перечисленные выше и некоторые другие результаты можно квалифицировать как новый вклад в изучение селькупских диалектов.

Большинство замечаний, которые можно сделать по тексту работы, носит частный характер. Неполным является перечень финно-угорских языков, местоимения которых получили монографическую разработку: к мордовским, марийскому и хантыйскому языкам (с. 7) следовало бы добавить по крайней мере прибалтийско-финские (Н. Оjаnсуu, *Itämerensuomalaisen kielten pronomioppiia*, Turku 1923; в библиографии эта работа указана) и венгерский (М. Темеси, *A magyar névmások története*, Pécs 1937). В перечне на с. 40 фигурируют тривиальные констатации (вряд ли стоило бы проводить исследования с тем, чтобы установить, что «местоимения в селькупском языке являются полноправной частью речи» и «обнаруживают значительные черты сходства и расхождения с местоименными словами ряда самодийских и финно-угорских языков»), и в то же время не указаны несомненные достижения работы, связанные с описательным и диалектологическим аспектами. Невы-

раженность естественного пола денотатов в личных местоимениях селькупского языка нельзя объяснить одним только отсутствием категории грамматического рода (с. 44) — ср. англ. *he, she, it* при том, что в других сферах грамматики категория рода также отсутствует. Непонятно обозначение «суффикс послеложной конструкции» (с. 88). Источником лично-определятельных местоимений в энецком языке (*модь керинь* 'я сам' и т. д.) признается «осложнение личных местоимений суффиксальными элементами», а источником ненецких лично-определятельных местоимений (*мань хар'и* 'я сам' и т. д.) — «прономинализация неместоименных слов» (с. 93—94); такое противопоставление неуместно, поскольку энецкие и ненецкие формы соответствуют друг другу и структурно, и этимологически. Вряд ли стоит вводить термин «фауноним» (с. 118) вместо общепринятого «зооним». Элемент *-šak*, входящий в местоимения-числительные *kuššak* 'сколько', *naššak* 'столько', квалифицируется в «Очерках по селькупскому языку» А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и Е. В. Грушкиной как падежный формант, а не как послелог (с. 131). Среди обстоятельственных местоименных наречий наряду с лативными, локативными и элативными необходимо выделять и пролативные (с. 135), по крайней мере для тазовского диалекта: *kūmin* 'по какому месту', *nīmin* 'по этому месту' и др. Все это — огорчительные, но объяснимые и простибельные издержки содержательной и трудоемкой работы над крупной исследовательской темой.

Не всегда можно согласиться с сочувственно цитируемыми И. А. Ильяшенко мнениями и оценками других авторов — в частности, с точкой зрения К. Е. Майтинской об отсутствии целого ряда местоименных разрядов в финно-угорском праязыке (с. 47, 155 и др.) и с предположением Ю. А. Морева о том, что в сельк. *man pīram* 'я сам' и подобных участвует не основа *pīri* 'высота', а основа *pūri* 'круг' (с. 76). Правильная оценка *man* 'я' и *mē* 'мы' как независимых друг от друга основ со ссылкой на А. Кюннапа (с. 36) соседствует с надуманной трактовкой *mē* как производной от *man* числовой формы.

В этих случаях, однако, как и во многих других, сам по себе изложенный и систематизированный в работе материал по селькупским местоимениям может послужить опорой для совершенствования и уточнения принятых в самоэтологии и финно-угроведении трактовок и решений. В этом состоит несомнен-

ная заслуга И. А. Ильяшенко, которая своей работой и многочисленными публикациями внесла существенный вклад в осуществляемое томскими самоэдологами описание грамматической системы селькупских диалектов на территории Томской области.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

CONGRESSUS SEPTIMUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM

VII Международный конгресс финно-угроведов проходил 27 августа — 2 сентября 1990 года в Венгрии — в Дебрецене. В работе конгресса приняли участие 870 зарегистрированных делегатов из 25 стран.

Наряду с пленарными и секционными докладами на этот раз в программе были и симпозиумы, посвященные следующим темам: «Прибалтийско-финские языковые контакты», «Dialectologia Ugalisa», «Ареальные связи в районе Волга-Кама», «Сибирь в XVIII веке», «Ареальные контакты в Западной Сибири», «Планирование системы международной информации по уралоистике», «Переводы произведений «Калевала» и «Кантелетар»». После пленарных докладов впервые в истории этих конгрессов состоялось их обсуждение.

Во время конгресса работали четыре секции: лингвистика (А), этнография и фольклористика (В), литературоведение (С), история, археология и антропология (D).

Секция лингвистики была распределена на подсекции по языкам: общее финно-угроведение (А1), венгерское языкознание (А2), финское языкознание (А3), прибалтийско-финское, эстонское и саамское языкознание (А4), волжское и пермское языкознание (А5), обско-угорское и самодийское языкознание (А6). К концу работы конгресса участники пришли к выводу, что подобный конгресс не должен быть местом обсуждения проблем феннистики и хунгарологии, однако и проведенное распределение на секции по языкам не представляется самым удачным реше-

нием, поскольку в подсекциях часто заседания оказывались целиком посвященными обсуждению проблем одного из языков; так, 31 августа в подсекции А4 оказался полностью днем эстонского языкознания.

Одна из острейших проблем, которую выявил дебреценский конгресс, — это чрезмерно большое число участников и тематическая распыленность. Справедливым и уместным как один вариант выхода из создавшегося положения прозвучало напоминание о конгрессах финно-угорской культуры. Однако хотя финно-угроведение в прямом смысле слова и означает языкознание, нельзя допустить все же полного исключения из программ будущих конгрессов археологии, этнологии, антропологии, фольклористики и литературоведения. Может быть, с этой целью имеет смысл использовать пленарные заседания. В Дебрецене более половины пленарных докладов было посвящено лингвистике, в дальнейшем долю лингвистики на пленарных заседаниях можно сократить и за счет этого увеличить долю других наук, связанных с финно-угорскими языками и народами, причем поставить на обсуждение проблемы археологии, этнологии и т. д., которые представляют интерес для всех и необходимы для финно-угорского языкознания. Некоторые лингвистические темы, заслуживающие внимания в аспекте пленарного заседания, целесообразно более углубленно рассмотреть на симпозиумах в рамках конгресса или подыскать для этого еще какую-либо форму работы.

Во время конгресса два заседания провел Международный комитет конгрес-